

Доржиева Виктория Владимировна

ВОВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИН КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СССР В СОВЕТСКОЕ И ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (1930-1941 ГГ.)

Статья раскрывает основные формы вовлечения женщин коренных малочисленных народов северо-востока СССР в политическую жизнь в предвоенное десятилетие. Цель автора - изучить процесс создания делегатских собраний, рассмотреть процесс вовлечения женщин и девушек в партийные и комсомольские ряды. На архивных материалах, ранее не введенных в научный оборот, автор выявляет и анализирует особенности политической социализации женщин северо-востока. Сделан вывод о значимости мероприятий этого периода в деле политической социализации женщин коренных малочисленных народов северо-востока страны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. VI. С. 51-56. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosoy_hist@gramota.net

УДК 93/99

Статья раскрывает основные формы вовлечения женщин коренных малочисленных народов северо-востока СССР в политическую жизнь в предвоенное десятилетие. Цель автора – изучить процесс создания делегатских собраний, рассмотреть процесс вовлечения женщин и девушек в партийные и комсомольские ряды. На архивных материалах, ранее не введенных в научный оборот, автор выявляет и анализирует особенности политической социализации женщин северо-востока. Сделан вывод о значимости мероприятий этого периода в деле политической социализации женщин коренных малочисленных народов северо-востока страны.

Ключевые слова и фразы: женщины; Северо-Восток; делегатские собрания; оседлое и кочевое население; комсомол; партийные организации.

Виктория Владимировна Доржеева, к.и.н., доцент
Кафедра теории и истории государства и права
Северо-Восточный государственный университет
dorvic68@mail.ru

ВОВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИН КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СССР В СОВЕТСКОЕ И ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (1930-1941 ГГ.)[©]

Советская историография, изучая положение женщин национальных окраин в первые годы советской власти, подчеркивала, что «женщины отсталых районов России были особенно бесправными» и только через просвещение женщин, осознание ими своего угнетенного положения, было возможным «поднять их на борьбу против реакционных взглядов, формировавшихся веками, защитить их всеми мерами от носителей реакционных представлений и предрассудков». Проблема раскрепощения женщин советской России должна была решаться параллельно с выбором некапиталистического пути развития отсталых народов страны [8, с. 96-97]. Сегодня оценка традиционного статуса женщин у коренных малочисленных народов северо-востока подвергается переосмыслению и коррекции [3; 4]. И тем не менее, установление новых общественно-политических отношений после Октябрьской революции поставило во главу угла вопрос о раскрепощении женщины в самом широком понимании этой проблемы. Очевидно, задача эта не могла быть разрешена простым принятием революционных нормативных актов, актуальной стала деятельность по созданию системы институтов, отношений и новой шкалы ценностей в молодом советском обществе, просвещение широких масс населения.

Начало культурного строительства на северо-востоке страны традиционно датируют серединой 1920-х годов, когда в регионе установилась советская власть. В 1925 году в чукотском селении Уэлен было создано первое женское собрание, на котором были выдвинуты делегатки на уездный съезд. В первый период политическая активность женщин была очень низкой, однако уже в 1928 году в отдельные национальные советы (тузсоветы) Чукотки были выдвинуты женщины и были «...эти женщины развитее и авторитетнее остальных членов тузсовета, и их голоса являются решающими в решении всех вопросов» [Цит. по: 9, с. 97].

Данная статья посвящена изучению процесса политической социализации женщин коренных малочисленных народов северо-востока России в предвоенное десятилетие. В 1930 году Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей», малочисленные народы получили свою автономию. С созданием национальных округов активизируется вовлечение малочисленных народов в социалистическое строительство. Организация национальных округов и территориальное районирование северных народностей позволили шире привлекать к участию в работе местных органов власти коренное население.

Важнейшим аспектом работы партийных, советских организаций являлось вовлечение женщин коренных малочисленных народов в культурную, общественно-политическую жизнь, в производство.

Оригинальной формой привлечения женщин к советской работе были женские делегатские собрания. Первые женские делегатские собрания в центральных районах страны появились в 1919 году. Их появлению предшествовало образование женских отделов (женотделов) сначала при ЦК РКП(б), а после и при нижестоящих (городских, районных, уездных) партийных организациях. Одним из основных направлений работы женотделов было вовлечение женского населения в социалистическое строительство. Делегатские собрания как раз и явились оригинальным способом привлечения женщин к советской работе [5, с. 14-34].

Женские делегатские собрания как форма партийной работы появились на Чукотке в начале 1930-х годов. В 1930 г. в с. Уэлен (Чукотка) из 16 делегаток от женщин 14 были представительницами коренных национальностей [10, д. 7, л. 48 об.]. Есть архивные сведения о «нескольких женделегатских собраниях среди женщин малых народов Севера» на Чукотке в начале 1930-х годов [11, д. 2, л. 44].

С появлением и развитием промышленных предприятий и коллективных хозяйств, увеличением количества партийных ячеек, развивалась сеть женских делегатских собраний. В 1933 году Чукотский окружком

партии ставил вопрос о необходимости создания делегатских собраний в Анадыре при колхозе, в районных центрах округа, при рыбоконсервном заводе, на культбазах и местах, где имелись партийные ячейки. В основном, работа осуществлялась с русскими женщинами, хотя делегатские собрания должны были охватывать женщин и в оседлых стойбищах. В этих стойбищах планировалось проводить регулярные собрания с женщинами, персонально «назначив товарищей, отвечающих за эту работу... Остальную массу женщин охватить общим собранием» [Там же, д. 3, л. 156].

В 1933 году Чукотским окружным комитетом ВКП(б) было принято Положение о делегатских собраниях. В Положении отмечалось, что делегатские собрания работниц, колхозниц и единоличных крестьянок являются «лучшей и проверенной формой работы, связывающей широкие слои трудящихся женщин с партией» [Там же, л. 157]. Была определена квота выборов в делегатские собрания в соответствии с социальным положением женщин и с учетом социально-экономических особенностей территории: по одной делегатке от трех работниц, от пяти колхозниц и от 10 домохозяек и служащих. Отметим, что в центральных районах страны были установлены иные правила. В 1925 году было принято положение ЦК ВКП(б), в котором устанавливались нормы представительства при выборах делегаток: от 10 работниц избиралась одна делегатка, одна делегатка от 100 женщин – советских служащих [1, с. 47].

Состав делегатских собраний не должен был быть менее 15 и более 50 человек. Делегатские собрания должны были организовываться по производственному принципу, в первую очередь, на предприятиях, в совхозах и колхозах, а также при сельсоветах, и только в том случае, если там имелись партийная ячейка, кандидатская группа или «одиночки-коммунисты». Это требование отражало тот факт, что партия уже стала единственным центром политической системы, и даже малые формы политической самостоятельности были недопустимы. Содержание работы делегатских собраний должно было исходить из содержания и плана работы партийных ячеек, райкомов партии.

Задачами делегатских собраний в 1930-е годы на северо-востоке СССР стали «обеспечение выполнения конкретных производственных заданий предприятия, ...борьба против кулачества», проведение политических кампаний [11, д. 3, л. 157]. Важнейшая функция делегатских собраний – организация масс единоличниц, беднячек и середнячек. Работа делегатских собраний и прикрепление делегаток к организациям должны были стать одной из форм в деле воспитания кадров, их выдвижении на руководящую работу, идейного роста женщин. Очевидно некоторое смещение целей деятельности делегатских собраний от решений «женских вопросов» в сторону политики и производственной сферы, хотя элементы социальных аспектов работы все же оставались. Это смещение объясняется изменениями в приоритетах государственной политики 1930-х годов.

Для практической работы осуществлялось прикрепление делегаток к различным предприятиям и организациям. В каждой сфере деятельности Положением о делегатских собраниях была определена цель прикрепления делегаток. К сельсоветам женщин прикрепляли для укрепления сельсоветов и колхозов, к промышленным предприятиям – для работы по повышению квалификации женщин и созданию производственных бригад по улучшению качества продукции. В органы кооперации женщин делегаток посылали для ведения борьбы со злоупотреблениями, особое внимание должно было обращать на организацию и развитие общественного питания. В профсоюзных организациях женщины должны были заниматься охраной труда, в народном образовании – добиваться 100% ликвидации неграмотности среди трудящихся женщин. Важнейшей задачей делегатских собраний было объявлено усиление вербовки в партию работниц, колхозниц, батрачек и беднячек [Там же, л. 157 об.]. Очевидно, что это Положение о делегатских собраниях аккумулировало опыт работы подобных структур в центральных районах страны, продублировав «женские» сферы деятельности в качестве рабочих задач для делегаток. В Положении совершенно не отражена специфика северо-востока: ни социальный состав женщин, ни уровень их подготовки, грамотности и политической активности, ни потребности женского населения. Также Положение не было снабжено механизмом реализации нормативного содержания.

В колымских районах в середине 1930-х годов также собирались делегатские собрания, на которых рассматривались вопросы о государственном займе, субботниках, детских яслях и проч. [6].

Работа по политической социализации женщин на северо-востоке была очень сложной. На первой партийной конференции Чукотского национального округа (апрель 1932 г.) подчеркивалось, что работа среди женщин ведется слабо, отмечалось отсутствие профессионально подготовленных кадров для этой деятельности. «Женская» работа была дополнительной нагрузкой для активистов, проводилась нерегулярно [11, д. 2, л. 58]. Самая важная и сложная проблема – представители власти и местное население говорили на разных языках – в прямом и переносном смысле. Коренное население с трудом понимало и воспринимало нововведения, и потому что действительно изменилась система отношений, и потому что в отдаленных районах Крайнего Севера просто не хватало переводчиков, особенно для работы среди кочевого населения. В первой половине 1930-х годов Чукотский окружной комитет ВКП(б) призывал «решительно бороться с традиционными родовыми пережитками, ставящими трудящуюся женщину-туземку в бесправное положение». В партийных отчетах долгое время отмечалось, что «работа среди женщин националок как по линии парторганизаций, так и по линии советских добровольных обществ почти не ведется» [Там же, д. 8, л. 33 об.]. В 1934 году на бюро Чукотского окружкома ВКП(б) констатировалось, что «перелома в работе с женщинами по округу за отчетный период нет». Работа с «женщинами националками» среди оседлого и кочевого населения не велась. Марковскому, Чукотскому, Анадырскому райкомам ВКП(б) было указано выдвинуть на руководящую работу не менее двух «женщин националок».

С середины 1930-х годов делегатские собрания как форма организации женщин стали уходить в прошлое, прекращали свое существование. На Северо-Востоке они так и не стали реальным фактом общественной

жизни и не начали массовой практической деятельности. Причинами этого отставания послужили слабость партийных организаций, отсутствие подготовленных организаторских кадров, чрезвычайно низкий уровень грамотности населения. Самой важной, на наш взгляд, причиной было несоответствие этих форм деятельности традиционной культуре, сознанию коренного населения. Поскольку еще достаточно прочно держались традиционное хозяйство и культура, искусственные, насаждаемые сверху организационные формы не вписывались в жизненный уклад. Их функции были непонятны населению и не соответствовали потребностям. Особенно это касалось «женских» организаций.

Делались попытки изменить ситуацию. Газета «Колымская правда» писала в 1934 году о том, что перед партийными организациями стоит задача коренным образом перестроить партийно-массовую работу среди женщин, сделать ее плановой, конкретной, отвечающей задачам освоения края. Партийные организации должны были «покончить с недооценкой» работы среди женщин. Особенные требования предъявлялись к районным партийным организациям, которые должны были перестроить работу «среди националок, колхозниц и единоличниц». Для реализации задач предлагалось развернуть сеть кружков по изучению политграмоты при каждой партийной ячейке, вовлекая в их работу женщин [7].

Усилия партийных органов давали незначительные результаты. В 1935 году в Анадырской районной парторганизации насчитывалось 44 человека, женщин было 5 человек, в Чукотской районной партийной организации из 19 членов трое были женщинами [11, д. 18, л. 1-2]. Отметим, что ситуация в Чукотском районе с вовлечением женщин в партийные ряды не изменилась и через десятилетие: в 1946 году районная парторганизация по-прежнему насчитывала 19 человек, в числе которых только две женщины [Там же, д. 248, л. 33].

Деятельность партийных организаций, помимо организационно-политической, акцентировалась на вопросах местного значения. Представление о направлениях массовой работы партийных организаций с женщинами дает план работы Чукотского окружкома партии на май 1937 года. В поселке Анадырь на общих собраниях женщин предлагалось обсудить вопросы подготовки к рыбной путине, развитие стахановского движения среди женщин, организацию и проведение месячника санитарии и гигиены и участие в нем женщин [Там же, д. 32, л. 51]. Как видим, обсуждаемые вопросы носили организационный и производственный характер, мало касались политических и идеологических аспектов.

В середине 1930-х годов Чукотским окружкомом партии был поставлен вопрос о выделении освобожденно-го окружного инструктора по работе среди женщин. Особое внимание должно было быть обращено на работу с представительницами коренных малочисленных народов. Методическому бюро Чукотского окружкома партии было предписано вовлекать «не менее 25% женщин националок по всем мероприятиям» [Там же, д. 9, л. 13]. Эти квоты представительства женщин зачастую не реализовывались. На III Чукотскую окружную партийную конференцию (апрель 1937 года) были избраны 30 делегатов, из которых только 2 женщины [Там же, д. 28, л. 112]. На IV окружной партконференции Чукотского национального округа (май 1938 г.) ситуация с женским представительством была аналогичной – из 39 делегатов с правом решающего голоса было только 3 женщины. В очередной раз было констатировано, что «работа с женщинами националками совершенно отсутствует». Для исправления ситуации Чукотскому окружкому ВКП(б) конференцией было дано поручение укомплектовать окружную исполком и райисполкомы женскими организаторами [Там же, д. 38, л. 41, 55].

Стремясь охватить своим влиянием большее количество населения, партийные органы выстраивали свою работу и с т.н. «сочувствующими», в том числе и с беспартийными женщинами. Сочувствующим старались вовлекать в практическую работу партийных органов, партячейки давали им задания по массовой работе среди беспартийных, планировалась работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди сочувствующих [Там же, д. 22, л. 53]. В 1937 году чукчанка Ечин в своем заявлении с просьбой принять ее в члены сочувствующих партии писала: «Буду помогать партийной организации работать, буду другим женщинам рассказывать про партию и советскую власть, о строительстве новой советской жизни» [Цит. по: 6, с. 118]. Массового масштаба процесс вовлечения сочувствующих в работу партийных организаций в этот период не приобрел.

Лучше обстояло дело с вовлечением молодежи в комсомольские ряды. В Чукотской окружной организации ВЛКСМ в 1935 г. девушки составляли 34% от общего количества комсомольцев. Как и у старших партийных товарищей, у комсомольцев были те же проблемы: «слабая работа среди женской молодежи». Не способствовали укреплению партийного авторитета и расширению рядов ВЛКСМ случившиеся инциденты. На бюро Чукотского окружкома ВКП(б) в 1935 г. отмечался «исключительно безобразный факт массового развращения девушек–националок на Чукотской культбазе в Уэлене... членами партии», которых предлагалось привлечь к уголовной ответственности [11, д. 15, л. 50].

Оседлое население постепенно втягивалось в политическую деятельность, необходим был полный охват кочевого населения. Формы партийной и комсомольской работы с кочевым населением в 1930-е годы удивительно напоминают формы работы царской администрации в дореволюционный период. Массовые мероприятия приурочивались к времени проведения ярмарок. В апреле 1937 года во время Чукотской окружной ярмарки была созвана конференция кочевой молодежи, на которой обсуждались вопросы о «задачах комсомола в связи с новой конституцией СССР и развертыванием стахановского движения». На этой же ярмарке при окружкоме ВЛКСМ было проведено совещание с кочевой молодежью, на котором обсуждались вопросы развития национальной самодеятельности и спорта. В период проведения ярмарки в Анадыре проходили национальные художественные вечера, соревнования стрелков [Там же, д. 31, л. 24]. Это были старые формы работы, оправдавшие себя как эффективные в общении с кочевым населением, но с новым содержанием.

В 1937 году в Чукотском округе членами комсомола состояли 578 человек, из которых 216 – девушки. Национальный состав рядов ВЛКСМ на Чукотке отражает Таблица 1. Для сравнения приведена общая численность населения по национальному составу состоянию в данный период [2, с. 330].

Таблица 1.

**Численный и национальный состав комсомольских организаций
Чукотского национального округа (1937 г.)**

Национальность / Количество человек	Всего членов ВЛКСМ	Из них девушек
Чукчей / 11060	289	101
Эскимосов / 1261	117	51
Русских / 297	67	13
Камчадалов / нет сведений	69	36
Ламутов (эвенов) / 625	36	15
Коряков / нет сведений	-	-
Итого	578	216

Данные таблицы свидетельствуют, что в среднем количество девушек-комсомолок составляло 37,3% от общего числа комсомольцев. Это свидетельствует о росте политической активности женской молодежи Чукотки к концу 1930-х годов.

При определенных организационных успехах, комсомольская работа велась, в основном, среди оседлого населения. Основной задачей в работе комсомольских органов на Чукотке было воспитание детей и молодежи в коммунистическом духе и организация их вокруг советской власти в соответствии с решениями XI Пленума ВЛКСМ. Для политучебы на Чукотке во второй половине 1930-х годов были созданы три политкружка. Темы занятий, проводимых этими политкружками в 1937 году, были характерными для эпохи: «Почему комсомол носит имя Владимира Ильича Ленина», «Проект Сталинской конституции», «Вожди партии и советского правительства» [11, д. 31, л. 93].

Несмотря на принятые решения о проведении слетов кочевой молодежи и о прикреплении первичных комсомольских организаций береговых и оседлых населенных пунктов к кочевникам, «работа с кочевой молодежью находилась в зачаточном состоянии» [Там же, д. 28, л. 195]. В 1937 году в кочевых первичных организациях ВЛКСМ насчитывалось всего 132 человека. С кочевой молодежью политическое воспитание должно было проводиться через кочевые молодежные ликбезы. Однако из-за отсутствия кадров агитаторов и политических просветителей политучеба среди кочевого населения проводилась крайне нерегулярно. Население в тундре жило еще во многом не по советским законам, а по нормам традиций и обычаев. В 1937 году был зафиксирован случай, когда молодой чукча-кочевник, в соответствии с древним обычаем, убил свою старуху-мать [Там же, д. 31, л. 95].

Длительное существование обычаев и традиций, даже прямо запрещенных советской властью, было обусловлено малым охватом населения северо-востока не только новыми органами государственной власти, но и деятельностью общественных организаций. В документах Чукотского окружкома партии неоднократно подчеркивалось в 1930-е годы и в последующие периоды, что серьезным недостатком в работе партийных организаций является слабое руководство общественными организациями и подготовкой кадров, главным образом, женщин [Там же, д. 133, л. 4].

Приоритетный характер деятельности по воспитанию и выдвижению кадров на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу был придан указаниями XVIII съезда ВКП(б) (1939 год) и XVIII Всесоюзной партийной конференции (1941 год).

Своеобразный прорыв в регионе в деле политической социализации женщин был сделан в ноябре 1939 года, когда секретарем Чукотского райкома ВЛКСМ была утверждена Ухсима. Ухсима – эскимоска, 1905 года рождения, вступила в комсомол в 1932 году. Из формальных анкетных данных Ухсими: «Образование 4 класса, из бедняков, по социоложению служащая. Партийных и комсомольских взысканий не имеет». Была избрана секретарем Чукотского райкома ВЛКСМ на I пленуме Чукотского райкома, утверждена в должности на заседании бюро Чукотского окружкома ВКП(б) [Там же, д. 45, л. 87]. Ухсима – первая женщина-эскимоска, секретарь райкома комсомола на Чукотке, проводница новых идей и пример для женщин-северянок.

Постепенно усилия партийных и советских органов давали свои результаты. К 1940 году обозначился серьезный количественный рост партийных и комсомольских рядов, увеличение в них количества женщин, представительниц коренных национальностей. Чукотская окружная организация ВЛКСМ в 1939 году рекомендовала в кандидаты ВКП(б) 83 комсомольца, из которых 24 человека – представители коренных национальностей, 17 женщин [Там же, д. 52, л. 32]. Увеличивался и укреплялся партийными кадрами состав депутатов сельсоветов Чукотского национального округа. Если в 1937 году всего депутатов сельсоветов на Чукотке было 190 человек, из которых 7 членов ВКП(б), 19 комсомольцев и 3 женщины, то в 1940 году депутатский корпус насчитывал уже 470 человек, из которых членов партии было 40 человек, комсомольцев – 128 человек, а представительство женщин увеличилось до 82 человек [Там же, л. 37]. Росло число женщин коренных национальностей в районных партийных организациях. Например, в Марковской

районной партийной организации в 1941 году состояли 14 женщин, 8 из которых были представительницами коренных национальностей Чукотки [Там же, д. 78, л. 43].

Таким образом, рассмотрев основные формы работы среди женщин коренных малочисленных народов северо-востока СССР в предвоенное десятилетие, можно сделать следующие выводы.

В предшествующий период 1920-1930-х годов только закладывались организационные основы работы среди женщин. Массового вовлечения женщин коренных народов в партийное и советское строительство еще не было, поскольку в регионе еще не было условий, кадров для массовой политической социализации женщин коренных народов. Можно говорить только о единичных примерах привлечения женщин в партийные ряды и советские органы. В начале 1930-х годов в Чукотском национальном округе были приняты в ряды партии только 4 женщины: три чукчанки и одна ламутка (эвенка) [Там же, д. 3, л. 25]. Эти данные свидетельствуют об отставании процесса вовлечения женщин в политическую жизнь на северо-востоке, по сравнению с центральными регионами страны.

Женские делегатские собрания в специфических условиях северо-востока просуществовали недолго, с начала до середины 1930-х годов, и не смогли сыграть заметной роли в процессе привлечения женщин к советскому строительству, однако опыт их деятельности был важным для дальнейшей работы в этом направлении.

Создание национальных округов в 1930 году активизировало работу среди женщин коренных малочисленных народов.

Учитывая особенности территории - отсутствие подготовленных кадров, владеющих языками коренных народов, дисперсное проживание населения, малограмотность и неграмотность значительной части населения - можно говорить о том, что в предвоенное десятилетие был сделан важный шаг в деле политической социализации женщин - представительниц коренных народов Северо-Востока СССР. С середины 1930-х годов привлечение женщин к политической жизни становится одним из направлений деятельности партийных и советских органов. В исполкомы советов разных уровней вводится должность т.н. женских организаторов. Со временем это дало свои результаты. К началу 1930-х годов население Северо-Востока составляло 28 520 чел., самой большой национальной группой были чукчи - 6835 чел., кочевники составляли приблизительно половину от общего количества. Пришлось (в основном русское) население составляло всего 2498 чел. [12, с. 71]. Увеличивается представительство женщин в партийных и комсомольских организациях, женщины избираются депутатами советских органов власти - более трети комсомольцев в 1937 году составляют девушки, из них 203 были представительницами коренных народов.

После создания и внедрения чукотской и эскимосской письменности, постепенной ликвидации неграмотности благодаря работе Института народов Севера в 1930-х годах появляется возможность более широкой и массовой идеологической и пропагандистской работы среди населения. Возрастает политическая культура и политическое самосознание представительниц коренных малочисленных народов, впервые женщина становится секретарем Чукотского райкома ВЛКСМ. Более массовое членство девушек в комсомоле, чем в партийных рядах можно объяснить тем, что в 1930-е годы подросло поколение, сформировавшееся в советских реалиях, получившее советское школьное образование, идеологически адаптированное к новой жизни.

В последующие периоды процесс политической социализации женщин коренных малочисленных народов носил нарастающий характер. Например, уже в 1949 году из 97 женщин, работающих на руководящих должностях разного уровня, 26 были представительницами коренных национальностей. В начале 1950-х годов в Чукотском национальном округе на руководящей работе по номенклатуре окружкома ВКП(б) работали 12% женщин, по номенклатуре райкомов партии 15% женщин от общего числа руководящих работников [11, д. 368, л. 42, 43].

Таким образом, именно в предвоенное десятилетие были заложены организационные основы, апробированы формы работы и сделан важный шаг в деле политической социализации женщин коренных малочисленных народов северо-востока СССР.

Список литературы

1. **Алферова И. В.** Делегатские собрания 1920-х годов как проект подготовки советских женщин к управленческой деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2011. № 1 (216). С. 46-54.
2. **Вдовин И. С.** Очерки истории и этнографии чукчей. М. - Л., 1965. 403 с.
3. **Доржиева В. В.** Женщины северной цивилизации: монография. Магадан: Изд-во СВГУ, 2009. 261 с.
4. **Доржиева В. В.** Изменение социального статуса женщин коренных малочисленных народов Северо-Востока России в 1917-1930 гг. // Северо-Восточный научный журнал. 2010. № 1 (5). С. 39-45.
5. **Дубинина Н. И.** Победа великого Октября и первые мероприятия партии в решении женского вопроса // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М.: Мысль, 1981. С. 14-34.
6. **Жукова Н.** Работа среди женщин на Колыме // Колымская правда. 1934. 8 марта.
7. **Жукова Н.** Работу среди женщин - на новые рельсы // Колымская правда. 1934. 28 января.
8. **Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки** / отв. ред. А. И. Крушанов. Магадан: Кн. изд-во, 1971. 157 с.
9. **Нефедова С. П.** Культурное строительство на Чукотке (1917-1958 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки / отв. ред. А. И. Крушанов. Магадан: Кн. изд-во, 1971. С. 81-157.
10. **Центр хранения современной документации Магаданской области (ЦХСД МО).** Ф. 12. Оп. 14.
11. **ЦХСД МО.** Ф. 22. Оп. 1.
12. **Широков А. И.** Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920-1950-х гг.: опыт и уроки истории / под ред. Э. И. Черняка. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 460 с.

**NATIVE MINORITIES WOMEN INVOLVEMENT IN SOVIET AND PARTY CONSTRUCTION
WITHIN THE NORTH-EAST OF THE USSR (1930-1941)**

Viktoriya Vladimirovna Dorzheeva, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of State and Law Theory and History
North-East State University
dorvic68@mail.ru

The author discusses the basic forms of the native minorities women involvement in political life within the north-east of the USSR during the prewar decade, studies the delegate assembly creation process, considers the process of women and girls' involvement in party and Komsomol ranks, reveals and analyzes the features of women's political socialization within the north-east by the archival materials which were not introduced in scientific circulation so far and concludes the significance of this period events in political socialization of the native minorities women within the north-east of the country.

Key words and phrases: women; North East; delegate assembly; settled and nomadic population; Komsomol; party organizations.

УДК 316.1

В статье анализируются предпосылки осуществления «практического поворота» в социальной философии. Философия обыденного языка Л. Витгенштейна и Дж. Остина рассматривается как одна из предпосылок «практического поворота». Итогом анализа становится выдвигаемое автором положение о ключевом месте триады «коммуникация-практика-язык» в современной социальной философии.

Ключевые слова и фразы: «практический поворот»; философия языка; социальные практики; коммуникация.

Андрей Андреевич Дьяков

Кафедра теоретической и социальной философии

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
dyakov20@yahoo.com

«ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ: РОЛЬ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА[©]

Коммуникация и язык становятся актуальными объектами исследования в структуре социальной реальности после произошедшего в философии в начале XX века «практического поворота» [2]. «Практический поворот», в свою очередь, является частью более глубинного процесса изменения философского мировоззрения, связанного с переходом от парадигмы классической рациональности к парадигмам неклассической и постклассической рациональности в философии и науке [4; 5, с. 7-65]. Следует отметить, что различные исследователи в области социальных наук по-разному именуют эту смену парадигм научного и философского мировоззрения. Так, например, говорят о «прагматическом» (В. Волков, О. Хархордин), «лингвистическом» (Г. Бергман, Р. Рорти), «герменевтическом» (Г. Гадамер), «герменевтически-лингвистически-прагматическом» (А. Назарчук) поворотах. Все исследователи сходятся в одном: необходим пересмотр и, возможно, критическая ревизия наследия субстанциальной метафизики и выработка новых фундаментальных концептов. Нами будет использоваться термин «практический поворот» как наиболее созвучный тематике проводимого исследования и эксплицитно выводящий на горизонт изучения социальных практик.

В социальной философии XX века происходит переход от субстанциалистских представлений о природе социальности к интересубъективной ее трактовке. Другими словами, традиционный способ понимания социальности как надындивидуального, метафизически первичного и рационально организованного начала сменяется новым концептом. В основе нового концепта лежит представление о социальности как коммуникации [7, с. 13-67]. В фокусе исследования оказываются не социальные сущности, а отношения между ними, и социальные отношения как таковые.

Ю. Хабермас, пытаясь категориально разграничить традиционные и современные, классические и постклассические тенденции в философии, вводит термины «постметафизика» и «постметафизическое мышление» [2, с. 10]. «Постметафизическая» парадигма в философии объединяет те направления философской рефлексии, которые направлены на критику традиционной метафизическо-субстанциалистской парадигмы. К основным идеям «постметафизики» могут быть отнесены идеи лингвистического поворота, преодоления логоцентризма, идея ситуирования разума и представление о социальной практике как предпосылке функционирования языка. Такое сближение проблематики философии языка, эпистемологии и социальной философии означает, что в пространстве «постметафизического» философствования стираются принципиальные границы различных дисциплин. Формируются новые концепты и социальные онтологии, носящие по существу универсальный характер.